

Глава 1

В ЧУЖОЙ ГОРОД, К ЧУЖИМ ЛЮДЯМ

— **Т**ук-тук! Тук-тук! Тук-тук! — стучат колеса, и поезд быстро мчится все вперед и вперед.

Мне слышатся в этом однообразном шуме одни и те же слова, повторяемые десятки, сотни, тысячи раз. Я чутко прислушиваюсь, и мне кажется, что колеса выстукивают одно и то же, без счета, без конца: вот так-так! вот так-так! вот так-так!

Колеса стучат, а поезд мчится и мчится без оглядки, как вихрь, как стрела...

В окне навстречу нам бегут кусты, деревья, станционные домики и телеграфные столбы, наставленные по откосу полотна железной дороги...

Или это поезд наш бежит, а они спокойно стоят на одном месте? Не знаю, не понимаю.

Впрочем, я многого не понимаю, что случилось со мною за эти последние дни.

Господи, как все странно делается на свете! Могла ли я думать несколько недель тому назад, что мне придется покинуть наш маленький, уютный домик на берегу Волги и ехать одной-одиношеньке за тысячи верст к каким-то дальним, совершенно неизвестным родственникам?.. Да, мне

все еще кажется, что это только сон, но — увы! — это не сон!..

— Петербург! — раздался за моей спиной голос кондуктора, и я увидела перед собою его доброе широкое лицо и густую рыжеватую бороду.

Этого кондуктора звали Никифором Матвеевичем. Он всю дорогу заботился обо мне, поил меня чаем, постлал мне постель на лавке и, как только у него было время, всячески развлекал меня. У него, оказывается, была моих лет дочурка, которую звали Нюрой и которая с матерью и братом Сережей жила в Петербурге. Он мне и адрес даже свой в карман сунул — «на всякий случай», если бы я захотела навестить его и познакомиться с Нюрочкой.

— Очень уж я вас жалею, барышня, — говорил мне не раз во время моего недолгого пути Никифор Матвеевич, — потому сиротка вы, а бог сироток велит любить. И опять, одна вы, как есть одна на свете; петербургского дяденьки своего не знаете, семьи его также... Нелегко ведь... А только, если уж очень немоготу станет, вы к нам приходите. Меня дома редко застанете, потому в разъездах я все больше, а жена с Нюрой вам рады будут. Они у меня добрые...

Я поблагодарила ласкового кондуктора и обещала ему побывать у него...

— Петербург! — еще раз выкрикнул за моей спиной знакомый голос и, обращаясь ко мне, добавил: — Вот и приехали, барышня. Дозвольте, я вещички ваши собираю, а то после поздно будет. Ишь суетня какая!

И правда, в вагоне поднялась страшная суматоха. Пассажиры и пассажирки суетились и толкались, укладывая и увязывая вещи. Какая-то

старушка, ехавшая напротив меня всю дорогу, потеряла кошелек с деньгами и кричала, что ее обокрали. Чей-то ребенок плакал в углу. У двери стоял шарманщик и наигрывал тоскливую песенку на своем разбитом инструменте.

Я выглянула в окно. Господи! Сколько труб я увидела! Трубы, трубы и трубы! Целый лес труб! Из каждой вился серый дымок и, поднимаясь вверх, расплывался в небе. Моросил мелкий осенний дождик, и вся природа, казалось, хмурилась, плакала и жаловалась на что-то.

Поезд пошел медленнее. Колеса уже не выкрикивали свое неугомонное «вот так-так!». Они стучали теперь значительно протяжнее и тоже точно жаловались на то, что машина насильно задерживает их бойкий, веселый ход.

И вот поезд остановился.

— Пожалуйте, приехали, — произнес Никифор Матвеевич.

И, взяв в одну руку мой теплый платок, подушку и чемоданчик, а другою крепко сжав мою руку, повел меня из вагона, с трудом протискиваясь через толпу.

Глава 2

МОЯ МАМОЧКА

Была у меня мамочка, ласковая, добрая, милая. Жили мы с мамочкой в маленьком домике на берегу Волги. Домик был такой чистый и светленький, а из окон нашей квартиры видно было и широкую, красивую Волгу, и огромные двухэтажные пароходы, и барки, и пристань на берегу, и толпы гуляющих, вышедших в определенные часы на эту пристань встречать приходящие пароходы... И мы с мамочкой ходили туда, только редко, очень редко: мамочка давала уроки в нашем городе, и ей нельзя было гулять со мною так часто, как бы мне хотелось. Мамочка говорила:

— Подожди, Ленуша, накоплю денег и прокачу тебя по Волге от нашего Рыбинска вплоть до самой Астрахани! Вот тогда-то нагуляемся вдоволь.

Я радовалась и ждала весны.

К весне мамочка прикопила немного денег, и мы решили с первыми же теплыми днями исполнить нашу затею.

— Вот как только Волга очистится от льда, мы с тобой и покатым! — говорила мамочка, ласково поглаживая меня по голове.

Но когда лед тронулся, она простудилась и стала кашлять. Лед прошел, Волга очистилась, а мамочка все кашляла и кашляла без конца. Она стала как-то разом худенькая и прозрачная, как воск, и все сидела у окна, смотрела на Волгу и твердила:

— Вот пройдет кашель, поправлюсь немного, и покатым мы с тобою до Астрахани, Ленуша!

Но кашель и простуда не проходили; лето было сырое и холодное в этом году, и мамочка с каждым днем становилась все хуже, бледнее и прозрачнее.

Наступила осень. Подошел сентябрь. Над Волгой потянулись длинные вереницы журавлей, улетающих в теплые страны. Мамочка уже не сидела больше у окна в гостиной, а лежала на кровати и все время дрожала от холода, в то время как сама была горячая, как огонь.

Раз она подозвала меня к себе и сказала:

— Слушай, Ленуша. Твоя мама скоро от тебя навсегда... Но ты не горюй, милушка. Я всегда буду смотреть на тебя с неба и буду радоваться на добрые поступки моей девочки, а...

Я не дала ей договорить и горько заплакала. И мамочка заплакала тоже, а глаза у нее стали грустные-грустные, такие же точно, как у того ангела, которого я видела на большом образе в нашей церкви.

Успокоившись немного, мамочка снова заговорила:

— Я чувствую, господь скоро возьмет меня к себе, и да будет его святая воля! Будь умницей без мамы, молись богу и помни меня... Ты поедешь жить к твоему дяде, моему родному брату, который живет в Петербурге... Я писала ему о тебе и просила приютить сиротку...

Что-то больно-больно при слове «сиротка» сдавило мне горло...

Я зарыдала, заплакала и забилась у маминой постели. Пришла Марьюшка (кухарка, жившая у нас целых десять лет, с самого года моего рождения, и любившая мамочку и меня без памяти) и увела меня к себе, говоря, что «мамаше нужен покой».

Вся в слезах уснула я в эту ночь на Марьюшкиной постели, а утром... Ах, что было утром!..

Я проснулась очень рано, кажется, часов в шесть, и хотела прямо побежать к мамочке.

В эту минуту вошла Марьюшка и сказала:

— Молись богу, Леночка: боженька взял твою мамашу к себе. Умерла твоя мамочка.

— Умерла мамочка! — как эхо повторила я.

И вдруг мне стало так холодно, холодно! Потом в голове у меня зашумело, и вся комната, и Марьюшка, и потолок, и стол, и стулья — все перевернулось и закружилось в моих глазах, и я уже не помню, что случилось со мною вслед за этим. Кажется, я упала на пол без чувств...

* * *

Очнулась я тогда, когда уже мамочка лежала в большом белом ящике, в белом платье, с белым веночком на голове. Старенький седенький священник читал молитвы, певчие пели, а Марьюшка молилась у порога спальни. Приходили какие-то старушки и тоже молились, потом глядели на меня с сожалением, качали головами и шамкали что-то беззубыми ртами...

— Сиротка! Круглая сиротка! — тоже покачивая головой и глядя на меня жалостливо, говорила Марьюшка и плакала. Плакали и старушки...

На третий день Марьюшка подвела меня к белому ящику, в котором лежала мамочка, и велела

поцеловать мне мамочкину руку. Потом священник благословил мамочку, певчие запели что-то очень печальное; подошли какие-то мужчины, закрыли белый ящик и понесли его вон из нашего домика...

Я громко заплакала. Но тут подросли знакомые мне уже старушки, говоря, что мамочку несут хоронить и что плакать не надо, а надо молиться.

Белый ящик принесли в церковь, мы отстояли обедню, а потом снова подошли какие-то люди, подняли ящик и понесли его на кладбище. Там уже была вырыта глубокая черная яма, куда и опустили мамочкин гроб. Потом яму забросали землей, поставили над нею белый крестик, и Марьюшка повела меня домой.

По дороге она говорила мне, что вечером повезет меня на вокзал, посадит в поезд и отправит в Петербург к дяде.

— Я не хочу к дяде, — проговорила я угрюмо, — не знаю никакого дяди и боюсь ехать к нему!

Но Марьюшка сказала, что стыдно так говорить большой девочке, что мамочка слышит это и что ей больно от моих слов.

Тогда я притихла и стала припоминать лицо дяди.

Я никогда не видела моего петербургского дяди, но в мамочкином альбоме был его портрет. Он был изображен на нем в золотом шитом мундире, со множеством орденов и со звездой на груди. У него был очень важный вид, и я его невольно боялась.

После обеда, к которому я едва притронулась, Марьюшка уложила в старый чемодан все мои платья и белье, напоила меня чаем и повезла на вокзал.

Глава 3

КЛЕТЧАТАЯ ДАМА

Когда подъехал поезд, Марьюшка отыскала знакомого кондуктора и просила его довезти меня до Петербурга и смотреть за мною дорогою. Затем она дала мне бумажку, на которой записано было, где живет в Петербурге мой дядя, перекрестила меня и, сказав: «Ну, будь умницей!» — простилась со мною...

Всю дорогу я провела точно во сне. Напрасно сидевшие в вагоне старались развлечь меня, напрасно добрый Никифор Матвеевич обращал мое внимание на попадавшиеся нам по дороге разные деревни, строения, стада... Я ничего не видела, ничего не замечала...

Так доехала я до Петербурга...

Выйдя с моим спутником из вагона, я была сразу оглушена шумом, криками и сутолокой, царившими на вокзале. Люди бежали куда-то, сталкивались друг с другом и снова бежали с озабоченным видом, с руками, занятыми узлами, свертками и пакетами.

У меня даже голова закружилась от всего этого шума, грохота, крика. Я не привыкла к нему. В нашем приволжском городе не было так шумно.

— А кто же вас встречать будет, барышня? — вывел меня из задумчивости голос моего спутника.

Я невольно смутилась его вопросом.

Кто меня будет встречать? Не знаю!

Провожая меня, Марьюшка успела сообщить мне, что ею послана телеграмма в Петербург дяде, извещающая его о дне и часе моего приезда, но выедет ли он меня встретить или нет — этого я положительно не знала.

И потом, если дядя даже и будет на вокзале, как я узнаю его? Ведь я его только и видела на портрете в мамочкином альбоме!

Размышляя таким образом, я в сопровождении моего покровителя Никифора Матвеевича бегала по вокзалу, внимательно вглядываясь в лица тех господ, которые имели хотя самое отдаленное сходство с дядиным портретом. Но положительно никого похожего не оказывалось на вокзале.

Я уже порядочно-таки устала, но все еще не теряла надежды увидеть дядю.

Крепко схватившись за руки, мы с Никифором Матвеевичем метались по платформе, поминутно натыкаясь на встречную публику, расталкивая толпу и останавливаясь перед каждым мало-мальски важного вида господином.

— Вот, вот еще один похожий, кажется, на дядю! — вскричала я с новой надеждой, увлекая моего спутника вслед за высоким седым господином в черной шляпе и широком модном пальто.

Мы прибавили шагу и теперь чуть не бегом бежали за высоким господином.

Но в ту минуту, когда мы уже почти настигли его, высокий господин повернул к дверям зала первого класса и исчез из виду. Я бросилась за ним следом, Никифор Матвеевич за мною...

Но тут случилось нечто неожиданное: я нечаянно запнулась за ногу проходившей мимо дамы в клетчатом платье, в клетчатой накидке и с клетчатым же бантом на шляпе. Дама взвизгнула не своим голосом и, выронив из рук огромный клетчатый зонтик, растянулась во всю свою длину на дощатом полу платформы.

Я бросилась к ней с извинениями, как и подobaет хорошо воспитанной девочке, но она даже не удостоила меня хотя бы единым взглядом.

— Невежи! Олухи! Неучи! — кричала на весь вокзал клетчатая дама. — Несутся как угорелые и сбивают с ног порядочную публику! Невежи, неучи! Вот я пожалуюсь на вас начальнику станции! Директору дороги! Градоначальнику! Помогите хоть подняться-то, невежи!

И она барахталась, делая усилия встать, но ей это никак не удавалось.

Никифор Матвеевич и я подняли наконец клетчатую даму, подали ей отброшенный во время ее падения огромный зонтик и стали расспрашивать, не ушиблась ли она.

— Ушиблась, понятно! — все тем же сердитым голосом кричала дама. — Понятно, ушиблась. Что за вопрос! Тут насмерть убить, не только ушибить можно. А все ты! Все ты! — внезапно накинулась она на меня. — Скачешь, как дикая лошадь, противная девчонка! Вот подожди у меня, городовому скажу, в полицию отправлю! — И она сердито застучала зонтиком по доскам платформы. — Полицейский! Где полицейский? Позовите мне его! — снова завопила она.

Я обомлела. Страх охватил меня. Не знаю, что бы случилось со мною, если бы Никифор Матвеевич не вмешался в это дело и не заступился за меня.

— Полноте, сударыня, не пугайте ребенка! Видите, девочка сама не своя от страха, — проговорил своим добрым голосом мой защитник, — и то сказать — не виновата она. Сама в расстройстве. Наскочила нечаянно, уронила вас, потому что за дядей спешила. Показалось ей, что дядя идет. Сиротка она. Вчера в Рыбинске мне ее передали с рук на руки, чтобы к дяденьке доставить в Петербург. Генерал у нее дяденька... Генерал Иконин... Фамилии этой не слыхали ли?

Едва только мой новый друг и защитник успел произнести последние слова, как с клетчатой дамой произошло что-то необычайное. Голова ее с клетчатым бантом, туловище в клетчатой накидке, длинный крючковатый нос, рыжеватые кудерки на висках и большой рот с тонкими синеватыми губами — все это запрыгало, заметалось и заплясало какой-то странный танец, а из-за тонких губ стали вырываться хриплые, шипящие и свистящие звуки. Клетчатая дама хохотала, отчаянно хохотала во весь голос, выронив свой огромный зонтик и схватившись за бока, точно у нее сделались колики.

— Ха-ха-ха! — выкрикивала она. — Вот что еще выдумали! Сам дяденька! Сам, видите ли, генерал Иконин, его превосходительство, должен явиться на вокзал встретить эту принцессу! Знатная барышня какая, скажите на милость! Ха-ха-ха! Нечего сказать, разодолжила! Ну, не прогневайтесь, матушка, на этот раз дядя не выехал к тебе навстречу, а послал меня. Не думал он, что ты за птица... Ха-ха-ха!!!

Не знаю, долго ли еще смеялась бы клетчатая дама, если бы, снова придя мне на помощь, Никифор Матвеевич не остановил ее.

— Полно, сударыня, над дитятей неразумным потешаться, — произнес он строго. — Грех! Сиротка барышня-то... круглая сирота. А сирот бог...

— Не ваше дело. Молчать! — неожиданно вскричала, прервав его, клетчатая дама, и смех ее разом пресекся. — Несите за мною барышнины вещи, — добавила она несколько мягче и, обернувшись ко мне, бросила вскользь: — Идем. Нет у меня времени лишнего возиться с тобою. Ну, поворачивайся! Живо! Марш!

И, грубо схватив меня за руку, она потащила меня к выходу.

Я едва-едва поспевала за ней.

У крыльца вокзала стояла хорошенькая щегольская пролетка, запряженная красивою вороной лошадию. Седой, важного вида кучер восседал на козлах.

— Степан, подавай! — крикнула во весь голос клетчатая дама.

Кучер дернул вожжами, и нарядная пролетка подъехала вплотную к самым ступеням вокзального подъезда.

Никифор Матвеевич поставил на дно ее мой чемоданчик, потом помог взобраться в экипаж клетчатой даме, которая заняла при этом все сиденье, оставив для меня ровно столько места, сколько потребовалось бы, чтобы поместить на нем куклу, а не живую девятилетнюю девочку.

— Ну, прощайте, милая барышня, — ласково зашептал мне Никифор Матвеевич, — дай вам счастливо устроиться у дяденьки. А ежели что — к нам милости просим. Адресок у вас есть. На самой окраине мы живем, на шоссе у Митрофаниевского кладбища, за заставой... Запомните? А уж

Нюрка рада-то будет! Она сироток любит. Добрая она у меня.

Еще долго бы говорил со мною мой приятель, если бы голос клетчатой дамы не прозвучал с высоты сиденья:

— Ну, долго ли ты еще заставишь ждать себя, несносная девчонка! Что у тебя за разговоры с мужиком! Сейчас же на место, слышишь!

Я вздрогнула, как под ударом хлыста, от этого едва знакомого мне, но успевшего стать уже неприятным голоса и поспешила занять свое место, наскоро пожав руку и поблагодарив моего недавнего покровителя.

Кучер дернул вожжами, лошадь снялась с места, и, мягко подпрыгивая и обдавая прохожих комками грязи и брызгами из луж, пролетка быстро понеслась по шумным городским улицам.

Крепко ухватившись за край экипажа, чтобы не вылететь на мостовую, я с удивлением смотрела на большие пятиэтажные здания, на нарядные магазины, на конки и омнибусы, с оглушительным звоном катившие по улице, и невольно сердце мое сжималось от страха при мысли о том, что ждет меня в этом большом, чужом мне городе, в чужой семье, у чужих людей, про которых я так мало слышала и знала.

Глава 4
СЕМЕЙСТВО ИКОНИНЫХ. —
ПЕРВЫЕ НЕВЗГОДЫ

- **М**атильда Францевна привезла девочку!
— Твою кухню, а не просто девочку...
— И твою тоже!
— Врешь! Я не хочу никакой кухни! Она нищая.
— И я не хочу!
— И я! И я!
— Звонят! Ты оглох, Федор!
— Привезла! Привезла! Ура!

Все это я слышала, стоя перед обитой темно-зеленой клеенкой дверью. На прибитой к двери медной дощечке было выведено крупными, красивыми буквами:

ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ СТАТСКИЙ СОВЕТНИК
МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ИКОНИН

За дверью слышались торопливые шаги, и лакей в черном фраке и белом галстуке, такой, какого я видела только на картинках, широко распахнул дверь.

Едва только я перешагнула порог ее, как кто-то быстро схватил меня за руку, кто-то тронул за плечи, кто-то закрыл мне рукою глаза, в то время как уши мои наполнились шумом, звоном и хохотом, от которого у меня разом закружилась голова.

Когда я очнулась немного и глаза мои снова могли смотреть, я увидела, что стою посреди роскошно убранной гостиной с пушистыми коврами на полу, с нарядной позолоченной мебелью, с огромными зеркалами от потолка до пола. Такой роскоши мне никогда еще не доводилось видеть, и потому немудрено, если все это показалось мне сном.

Вокруг меня толпились трое детей: одна девочка и два мальчика. Девочка была ровесница мне. Белокурая, нежная, с длинными вьющимися локонами, перевязанными розовыми бантиками у висков, с капризно вздернутой верхней губой, она казалась хорошенькой фарфоровой куколкой. На ней было надето очень нарядное белое платье с кружевным воланом и розовым же кушаком. Один из мальчиков, тот, который был значительно старше, одетый в форменный гимназический мундирчик, очень походил на сестру; другой, маленький, кудрявый, казался не старше шести лет. Худенькое, живое, но бледное его личико казалось болезненным на вид, но пара карих и быстрых глазенок так и впилась в меня с самым живым любопытством.

Это были дети моего дяди — Жоржик, Нина и Толя, — о которых мне не раз рассказывала покойная мамочка.

Дети молча смотрели на меня. Я — на детей.
Минут пять длилось молчание.

И вдруг младший мальчуган, которому наскучило, должно быть, стоять так, неожиданно под-

нял руку и, ткнув в меня указательным пальцем, произнес:

— Вот так фигура!

— Фигура! Фигура! — вторила ему белокурая девочка. — И правда: фи-гу-ра! Толька верно сказал!

И она запрыгала на одном месте, хлопая в ладоши.

— Очень остроумно, — произнес в нос гимназист, — есть чему смеяться. Просто она мокрица какая-то!

— Как мокрица? Отчего мокрица? — так и всколыхнулись младшие дети.

— Да вон, разве не видите, как она пол намочила. В калошах ввалилась в гостиную. Остроумно! Нечего сказать! Вон наследила как! Лужа. Мокрица и есть.

— А что это такое — мокрица? — полюбопытствовал Толя, с явным почтением глядя на старшего брата.

— Мм... мм... мм... — смешался гимназист, — мм... это цветок такой: когда к нему прикоснешься пальцем, он сейчас и закроется... Вот...

— Нет, вы ошибаетесь, — вырвалось у меня против воли. (Мне покойная мама читала и про растения, и про животных, и я очень много знала для своих лет.) — Цветок, который закрывает свои лепестки при прикосновении, — это мимоза, а мокрица — это водяное животное вроде улитки.

— Ммм... — мычал гимназист, — не все ли равно, цветок или животное. У нас еще этого не проходили в классе. А вы чего с носом суетесь, когда вас не спрашивают? Ишь какая умница выискалась!.. — внезапно накинулся он на меня.

— Ужасная выскочка! — вторила ему девочка и прищурила свои голубые глазки. — Вы лучше бы за собой следили, чем Жоржа поправлять, — капризно протянула она. — Жорж умнее вас, а вы вот в калошах в гостиную влезли. Очень красиво!

— Остроумно! — снова процедил гимназист.

— А ты все-таки мокрица! — пропищал его братишка и захихикал. — Мокрица и нищая!

Я вспыхнула. Никто еще не называл меня так. Прозвище нищей обидело меня больше всего остального. Я видела нищих у паперти церковей и не раз сама подавала им деньги по приказанию мамочки. Они просили «ради Христа» и протягивали за милостыней руку. Я руки за милостыней не протягивала и ничего ни у кого не просила. Значит, он не смеет называть меня так. Гнев, горечь, озлобление — все это разом закипело во мне, и, не помня себя, я схватила моего обидчика за плечи и стала трясти его изо всей силы, задыхаясь от волнения и гнева.

— Не смей говорить так. Я не нищая! Не смей называть меня нищей! Не смей! Не смей!

— Нет, нищая! Нет, нищая! Ты у нас из милости жить будешь. Твоя мама умерла и денег тебе не оставила. И обе вы нищие, да! — как заученный урок повторял мальчик. И, не зная, еще чем досадить мне, он высунул язык и стал делать перед моим лицом самые невозможные гримасы. Его брат и сестра хохотали от души, потешаясь этой сценой.

Никогда не была я злючкой, но, когда Толя обидел мою мамочку, я вынести этого не могла. Страшный порыв злобы охватил меня, и с громким криком, не задумываясь и сама не помня, что

делаю, я изо всей силы толкнула моего двоюродного брата.

Он сильно пошатнулся сначала в одну сторону, потом в другую и, чтобы удержать равновесие, схватился за стол, на котором стояла ваза. Она была очень красивая, вся расписанная цветами, аистами и какими-то смешными черноволосыми девочками в цветных длинных халатах, в высоких прическах и с раскрытыми веерами у груди.

Стол закачался не меньше Толи. С ним закачалась и ваза с цветами и черненькими девочками. Потом ваза скользнула на пол... Раздался оглушительный треск.

Трах!

И черненькие девочки, и цветы, и аисты — все смешалось и исчезло в одной общей грудке черепков и осколков.

Глава 5
РАЗБИТАЯ ВАЗА. —
ТЕТЯ НЕЛЛИ И ДЯДЯ МИШЕЛЬ

Минуту длилось гробовое молчание. На лицах детей был написан ужас. Даже Толя при-
смирел и вращал во все стороны испуганными
глазами.

Жорж первый нарушил молчание.

— Остроумно! — протянул он в нос.

Ниночка покачала своей красивой головкой,
глядя на груды черепков, и произнесла значи-
тельно:

— Любимая мамина японская ваза.

— Ну так что же! — прикрикнул на нее стар-
ший брат. — А кто виноват?

— Не я только! — выпалил Толя.

— И не я! — поспешила не отстать от него
Ниночка.

— Так я, по-вашему, что ли? Остроумно! —
обиделся гимназист.

— Не ты, а Мокрица! — выкрикнула Ни-
ночка.

— Конечно, Мокрица! — подтвердил и Толя.

— Мокрица и есть. Надо пожаловаться мам-
зельке. Зовите сюда вашу Баварию Ивановну — то

бишь Матильду Францевну. Ну, чего рты разинули! — командовал Жорж младшим детям. — Не понимаю только, чего она смотрит за вами!

И, пожав плечами, он с видом взрослого человека заходил по зале.

Ниночка и Толя скрылись в одну минуту и тотчас же снова появились в гостиной, таща за собою Матильду Францевну, ту самую клетчатую даму, которая встретила меня на вокзале.

— Что за шум? Что за шкандаль? — спрашивала она, глядя на всех нас строгими вопрошающими глазами.

Тогда дети, окружив ее, стали рассказывать хором, как все случилось. Если б я не была так убита горем в эту минуту, то невольно удивилась бы тому избытку лжи, которая сквозила в каждой фразе маленьких Икониных.

Но я ничего не слышала и не хотела слышать. Я стояла у окна, смотрела на небо, на серое петербургское небо и думала: «Там, наверху, моя мамочка. Она смотрит на меня и видит все. Вероятно, она недовольна мною. Вероятно, ей тяжело видеть, как нехорошо поступила сейчас ее Леночка... Мамочка, милая, — шептало мое сильно бьющееся сердце, — разве я виновата, что они такие злые, такие нехорошие задиры?»

— Ты глухая или нет! — внезапно раздался за мною резкий окрик, и цепкие пальцы клетчатой дамы впились мне в плечо. — Ты ведешь себя как настоящая разбойница. Уже на вокзале подставила мне ножку...

— Неправда! — вне себя прервала я резко. — Неправда! Я не делала этого! Я нечаянно толкнула вас!